

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)
РАССКАЗ о II СЪЕЗДЕ Р.С.Д.Р.П.

Публикация в журнале «Борьба классов», 1933, № 8-9. С.17-26

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленниа) равно чтению чужого письма.

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе с'езда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на с'езде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значат 52 человека¹. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение всего с'езда, такова: решающие голоса — 5 бундовских, 3 рабочедельских (2 от Союза Русских Социал-Демократов за границей и 1 — от Питерского Союза Борьбы)², 4 южно-рабоченца (2 от группы Южный Рабочий и 2 от Харьковского Комитета, вполне солидарного с Южным Рабочим)³, 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно, — все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве⁴. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на с'езде, раскололись в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце с'езда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой», вернее «зигзаговой» линии (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справе-

* «Рассказ о II с'езде РСДРП» написан Лениным в первой половине сентября 1903 г. для ознакомления сторонников большинства из среды заграничного партийного актива с обстоятельствами, вызвавшими раскол на с'езде. Впервые напечатан в 1927 г. в Лен. сб. VI. Перепечатка из т. VI 3-го издания.

¹ Решающих голосов на с'езде было 51, в том числе с одним голосом было 35 делегатов и с двумя голосами 8 делегатов. Совещательных было 12 голосов (и человек), не считая 2 голосов польских делегатов, которые удалились со с'езда задолго до окончания его работ. Ред.

² «Рабочее Дело» — орган заграничного Союза русских социал-демократов выходил с 1899 г. по 1902 г. Вокруг «Рабочего Дела» группировались бывшие сторонники экономизма в русской социал-демократии и примиренцы, защитники этого оппортунистического течения после того, как оно в результате беспощадной критики Ленина и «Искры» уже потеряло свое прежнее значение и влияние в рядах российского с.-д. рабочего движения. «Рабочедельцы» — сторонники «Рабочего Дела», прикрытые экономисты, русские с.-д., оппортунисты эпохи «Искры». На II с'езде они были представлены 2 делегатами Союза русских с.-д., Мартыновым и Акимовым (Махновцем), и делегатом петербургской организации экономистов, так называемой «Рабочей организацией», Брукэр (сестрой Акимова-Махновца). Ред.

³ Группа «Южный Рабочий», состоявшая из работников южно-русских с.-д. организаций, объединялась вокруг редакции издававшейся в России с.-д. газеты того же имени. Группа «Ю. Р.» в ноябре 1902 г. признала «Искру» партийным органом, а затем представители группы вошли в состав О. К. по созыву II с'езда партии. Но на самом деле группа «Ю. Р.» и до с'езда и во время с'езда не сливалась с организацией «Искры», занимая по ряду важнейших вопросов оппортунистическую позицию, и стремилась занять в партии особое положение, стараясь сохранить свой орган, как популярный, наряду с «Искрой». Ред.

⁴ Группа «болота» на с'езде состояла из 4 делегатов с 6 решающими голосами: двое по одному голосу и двое — по два. Группа искровцев состояла из 27 делегатов с 33 голосами: 21 по одному голосу и 6 — по два.

ливость, за равнодействующую etc., и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь *post factum*⁵, в конце с'езда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав с'езда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу с'езда, приглашать на с'езд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На с'езде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к составу с'езда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссий, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» по каждому вопросу).

Начался с'езд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов с'езда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале с'езда был выбор *бюро* или *президиума*. Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь с'езд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т⁶ (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член О. К.). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южно-рабоченца (тоже члена О. К.)⁷. Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большей частью вообще дела в организации Искры и в редакции «Искры».

К началу же с'езда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации Искры по вопросу о ее мандатах на с'езде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во 1-х, дружную работу искряков в начале с'езда, а во 2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации Искры (вернее, членов организации Искры, присутствовавших на с'езде), причем, конечно, обязательного значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан волеизъявить на с'езде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации,— это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания Искры громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на С'езде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый «инцидент с О. К.». На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда,

⁵ Впоследствии.

⁶ «Товарищ Т»—это П. А. Краси́ков. Ред.

⁷ Речь идет о В. Н. Розанове (по протоколам II с'езда «Попов», члене редакции «Южный Рабочий». Ред.

когда съезд занят был своим собственным конституированием, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тому времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с О. К. состояла в том, что О. К., с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы Борьбы) ⁸, требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же О. К. внезапно заявил на съезде, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации Искры и член О. К. (назовем это лицо буквой N) ⁹ решил настаивать в О. К. на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как термином «перебежчик» ¹⁰. (Лицо это, действительно, склонялось одно время к Искре, с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону Рабочего Дела, хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка). Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации Искры делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо Искре, и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в О. К., но это предложение было отклонено, благодаря горячему протесту товарища T, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса Искре выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции Искры со стороны О. К., — выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами иностранными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. О. К. отклонил протест «Борьбы», члены О. К. (T и N), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба (и N в том числе!!!) против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее О. К. устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «окошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! N был за приглашение. T, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения О. К. после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южно-рабоченские члены О. К. + бундист + N провалили товарища T, и решение О. К. состоялось.

T известил об этом решении редакцию Искры, которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с О. К. на съезде, ибо многие искряки уже

⁸ Заграничная с.-д. группа «Борьба» организовалась в Париже в конце 1901 г. в составе Д. Рязанова, Ю. Стеклова и Э. Гуревича. В вопросе о принципиальном расхождении в российской социал-демократии между оппортунистическим (Союз русских с.-д. за границей) и революционным крылом («Искра») группа «Борьба» заняла колеблющуюся позицию и показала свою беспринципность, пытаясь сначала примирить оба течения, а потом, после неудачи этой попытки, стремясь занять особую, по существу оппортунистическую, позицию (вне Союза и вне «Искры»). Ред.

⁹ Речь идет о Е. М. Александровой (по протоколам съезда «Штейн»), прикнувшей на съезде к меньшинству и ставшей после съезда активной, злостной меньшинщицей. Ее политическая характеристика дана Лениным дальше в «Рассказе». Ред.

¹⁰ Ю. М. Стеков. Ред.

высказались публично на с'езде против «Борьбы», и отступить в этом вопросе было невозможно.

Когда О. К. (в послеобеденном заседании) заявил с'езду о своем решении, Т заявил в свою очередь о своем протесте. Южно-рабоченский член О. К. обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо О. К. постановил на с'езде этого не раскрывать (sic!). Понятно, что мы (Плеханов, Мартов и я) обрушились тогда со всей энергией против О. К., обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, нарушении суверенности с'езда и т. д. С'езд встал на нашу сторону, О. К. был разбит, была принята резолюция, отнимающая у О. К. в качестве коллегии право влиять на состав с'езда.

Таков был «инцидент с О. К.». Во-первых, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-вторых, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы искровском. учреждении, как О. К. Стало ясно, что кроме бундиста, в О. К. есть еще 1) южно-рабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южно-рабоченцы пожелали объясниться с редакцией Искры (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания об'ясниться*, — то редакция об'яснялась с ними, причем я прямо сказал южно-рабоченцам, что с'езд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличием в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику Искре, выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против* Борьбы, что я публично на с'езде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают какую бурю возмущения вызывают всегда гам люди, говорящие в комиссиях одно, а на с'езде другое». Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники Искры», и *из-за этого только* выкидывали *политические коленца* против «Искры», не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова об'ясниться с N привела к *заявлению N о выходе его, N, из организации Искры!!* С этого момента «дело» об N переходит в организацию Искры, члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела 4 заседания по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом*, о составе Ц. К.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторю еще раз) заседаниях организации Искры, скажу о работах с'езда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение Ц. О. партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство на с'езде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южно-рабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов с'езда выяснялась все более и более.

Возвращаюсь к заседаниям организации Искры. На первом заседании было решено попросить у N об'яснений, предоставив этому N указать, в каком составе организации Искры он, N, хочет с ней об'ясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном с'езде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения N). На 2-м заседании было доложено, что N хочет об'ясняться без Т, хотя N намерен, де, не говорить

ничего лично о Т. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда нечлен организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря, однако, не о нем; я видел в этом недостойную игру, и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже на столько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-м заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое не удовлетворило большинство участников объяснения. 4-е заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию предшествовал ряд важных эпизодов с'езда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут отчаянную обструкцию и чуть-чуть ли не $\frac{2}{3}$ с'езда, по времени, ушло на программу!). Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что Искра не хочет «равноправия языков», — тогда как на деле редакция Искры не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная; с'езд разделился пополам, на две равные половины (кое-кто воздерживался): на стороне Искры (и редакции Искры) было около 23-х голосов (может быть 23 — 25, не помню точно), и столько же против¹¹. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем с'ездом единогласно. Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка сами прозвали болотом!) и южно-рабоченцев, которые все были против Искры. Страсти разгорелись отчаянно и резкие слова бросались без числа против южно-рабоченцев искряками, особенно мартовцами. Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южно-рабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, нзиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т. е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в меньшинстве.

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-й Tagesordnung'a¹², близко к концу с'езда. (Принята была, по п. 1-му, резолюция против федерализма; по п. 2-му — программа; по п. 3-му признание Искры центральным органом партии¹³, по п. 4-му выслушаны «делегатские доклады», часть их, а остальная слана в комиссию, ибо выяснилось, что у с'езда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).

¹¹ В инциденте с «равноправием языков» был проведен целый ряд голосований: по вопросу вообще о желательности особого пункта о равноправии языков было 23 за и 23 против, по поправке к этому пункту Н. Жордания — 24 за и 23 против, при голосовании пункта в целом — 24 за и 24 против, при новой перебаллотировке пункта в целом — 24 за и 25 против, по вопросу о передаче пункта в комиссию за предложение Ленина — 25 голосов, за предложение Мартьянова — 26 голосов. Ред.

¹² Порядка дня.

¹³ Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung с'езда, принятом по моему докладу в О. К. и утвержденном с'ездом, стояли 2 отдельных пункта: п. 3. «Создание Ц. О. партии или утверждение такового» и п. 24. «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовков, что ли? редакции мы не знаем даже! то Мартов взял слово и объяснил, что утверждается на прав л е н и е Искры, независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предрешается, ибо выборы центральных учреждений предстоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, до раскола искряков) очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало общему нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'a.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на с'езде выражение: бывшие члены редакции Искры.

Пункт 1-й устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на с'езде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо сузить понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за расширение партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что делать?»! Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства*. Мартов одержал тут победу: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка¹⁴, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими пятью голосами провел «что похуже» (делегат от Рабочего Дела именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на с'езде и показали наглядно, что Бунд + Рабочее Дело могут решить судьбу любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место последнее (4-е) заседание организации Искры. Разногласие между искряками по вопросу о личном составе Ц. К. выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский Ц. К. (в виду распухания организации Искры и Группы Освобождение Труда и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южно-рабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столкнуться, и собрали это собрание 16-ти (членов организации Искры, причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южно-рабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в с'ездовой драке лишь в конце ее, и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны)¹⁵. За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым*. После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов¹⁶.

¹⁴ Формулировка § 1 устава Ленина была отклонена 28 голосами против 23, формулировка Мартова была принята 28 против 22, при одном воздержавшемся.

¹⁵ «Примирительный» список большинства был предложен в следующем составе: Розанов («южно-рабоченец, угодный меньшинству»), Троцкий («боевой член меньшинства»), затем «искровцы последовательные» — Носков (участвовавший в работах с'езда и в с'ездовской борьбе), Ленинский и Кржижановский (не присутствовавшие на с'езде). Ред.

¹⁶ «Боевые» списки с той и другой стороны: со стороны большинства — Носков, Кржижановский и Розанов, со стороны меньшинства — Носков, Розанов, Троцкий. Ред.

Итак, в последнем собрании организации Искры мартовцы по обоим вопросам остались в меньшинстве, и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель)¹⁷ пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Расчет мартовцев был ясен и верен: бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддерживали бы список *зигзаговой линии*, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что ни единый член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + Рабочее Дело, разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т. е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец 24, считая *решающие голоса, а не лиц*. Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки Ц. К. стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-первых; во-вторых, разъяснение искрякам того, что происходило в организации Искры, привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неумение Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. По-

¹⁷ В. А. Носков. Ред.

этому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в Ц. К., на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и распылывчатой шестерки).

С'езд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К^о еще раз (и даже не раз, а несколько раз) победили большинство искряков при *благородном содействии Бунда + Рабочего Дела* — напр., по вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был с'ездом в духе *Мартова*)¹⁸.

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем с'ездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда, и с'езд отверг *подавляющим* большинством голосов предложение Бунда (признать бунд *единственным* представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего с'езда. Тогда *бундисты ушли со с'езда заявив о выходе из партии*. У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда заграничная Лига русской революционной социал-демократии была признана *единственной* партийной организацией за границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на с'езде 44 (51—7) решающих голоса, и из них *большинство* последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южно-рабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться, — как подчинялись, *без единого слова, искровцы твердой линии, когда их бил и разбил* Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы с'езд обязан был *рассмотреть* весь целиком вопрос о составе Ц. О., не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был *отказ* от выбора Ц. О. и Ц. К.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор* центральных учреждений партии. А в моем комментарии к Tagesordnung (комментарий этот был известен *всем искрякам задолго до с'езда и всем членам с'езда*) стояло на полях: выбор 3-х лиц в Ц. О. и 3-х в Ц. К. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и *никем* из редакции опротестовано оно не было. Даже Мартов и Другой лидер мартовцев¹⁹ защищали эти «две тройки» перед *целым рядом делегатов еще до с'езда*.

Я лично, за несколько недель до с'езда, заявил Староверу²⁰ и Мартову, что потребую на с'езде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я *согласился* с ним, — до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на с'езде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка²¹ до того была недееспособна, что она *ни разу за три года не собралась в полном составе* — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров Искры не был составлен (в редак-

¹⁸ Ленин выдвигал предложение, чтобы кооптация в Ц. К. и в редакцию Ц. О. производилась каждым центром с согласия другого центра (взаимная кооптация). Мартов стоял за независимость одного центра от другого при пополнении их состава. Предложение Мартова выкинуть пункт о взаимной кооптации было принято 26 голосами против 24. Ред.

¹⁹ Л. Д. Троицкий. Ред.

²⁰ А. П. Потресов. Ред.

²¹ Состав редакции «Искры» до II с'езда: «литературная группа», организованная Лениным по возвращении его и его товарищей из ссылки, — Ленин, Мартов, Потресов, и члены группы «Освобождение Труда» — Плеханов, Аксельрод, Засулич. Ред.

ционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И ни разу не возбуждался крупный теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (0=ноль статей в Заре и 3—4 во всех 45 №№ Искры). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, никогда не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в политические руководители, в центр,—это было ясно, как день, для всякого члена с'езда, после месячных его работ.

Перенесение на с'езд вопроса об утверждении старой редакции было *неделим провоцированием на скандал*.

Нелепым, — ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку, — один член редакции (я, например) погребовал бы переборки коллегии, разбора внутренних ее отношений, и с'езд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал, — ибо *неутверждение* должно было быть понято как *обида*, — тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают Ц. К., — пусть выберут и Ц. О. Нет речи об утверждении О. К., — пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, потребовав утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на с'езде, протест был воспринят как *обида*, оскорбление, *вышибание*, *отстранение*...

Редакция ушла со с'езда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов с'езд *решил*: *старая редакция не утверждается*²².

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора за себя и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (в роде лиц, от имени Искры подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на с'езде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смешение политической понятий*, приводящее к протесту против выбора, против переборки с'ездом коллегий должностных лиц партии.

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. Мартов *опять отказался*. Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. С'езд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции Ц. О. кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо*.

После этого выбраны три члена Ц. К. и *только один из них назван с'езду* счетчиком записок, — а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета Партии.

Мартовцы и все «болого» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к *сорванию с'езда*, к непризнанию партии. Но когда один южно-рабоченец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений с'езда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается*.

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

С'езд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

- 1) о демонстрациях.
- 2) » профессиональном движении.
- 3) » работе среди сектантства.
- 4) » » » учащейся молодежи.
- 5) » поведении на допросах.

²² Один мартовец держал такую речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее «бологоные» люди

- 6) о фабричных старостах.
- 7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
- 8) » либералах (Старовера).
- 9) » либералах (Плеханова).
- 10) » социалистах-революционерах.
- 11) » партийной литературе.

Затем с'езд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений с'езда.

Рассматривая поведение мартовцев после с'езда, их отказ от сотрудничества (о коем редакция Ц. О. их официально просила), их отказ от работы на Ц. К., их пропаганду бойкота,—я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? Только из-за недовольства составом центров, ибо объективно только на этом мы разошлись, а субъективные оценки (в роде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим сплетням, когда, не зная и не видя еще деятельности новых центров, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров посредством бойкота их есть невиданное и неслыханное нарушение партийного долга, и никакие софизмы не могут скрыть этого: бойкот есть шаг к разрыву партии.

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине, от действия путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и дело на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояльный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что в центр попали не те лица, которых имели в виду они, тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых рассказней.